

РЫЖИЙ ДВЯЯ ВОЛ

МИХАИЛ

ДЁМИН

Бродяга, вор-майданник,
лагерник, искатель
приключений, художник,
журналист,
невозвращенец
Михаил Дёмин,
он же Георгий Трифонов —
брат **ЮРИЯ ТРИФОНОВА**

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ СТРАХ, —
КОГДА МРАЧНЫ И ДОЛГИ НОЧИ,
И ВЕТРА ВОЙ — КАК ПЕСНЯ ВОЛЧЬЯ...

Михаил Дёмин
Рыжий дьявол

«Центрполиграф»

1987

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Дёмин М.

Рыжий дьявол / М. Дёмин — «Центрполиграф», 1987

ISBN 978-5-227-07862-9

Освобождение из лагеря в Советском Союзе не означало восстановления в правах. Бывшие заключенные не имели права селиться и даже появляться в 17 главных городах, а там, где можно было проживать, их не брали на хорошую работу. Выйдя из заключения в 1952 году, Дёмин получил направление на три года ссылки в Абакан, но, собираясь заняться литературой, в нарушение всех предписаний поехал в Москву. Бывшему блатному не так легко было стать советским писателем. Хотя Дёмин заявлял, что всего хотел добиться сам, он решил обратиться к своему кузену Юрию Трифонову, которого считал баловнем судьбы...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07862-9

© Дёмин М., 1987
© Центрполиграф, 1987

Содержание

Часть первая. ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО	5
ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА	5
ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО	8
СТРАННЫЙ ДОМ	11
Я НАЧИНАЮ ДЕЙСТВОВАТЬ	14
ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	18
ИДУ ПО СЛЕДУ	21
ИДУ ПО СЛЕДУ (продолжение)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Демин

Рыжий дьявол

Часть первая. ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

– Мы знаем о вас немало! Почти все! Знаем, что вы долго сидели, были на Колыме, на пятьсот третьей стройке и в „Краслаге“. Освободились из заключения в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. И после освобождения находились в ссылке в наших краях. А потом из ссылки бежали... Где вы, кстати, шатались все последнее время? Вот только это одно неизвестно.

– Где я был, там меня уже нет, – сказал я. – Предположим, что в самой глуши, в Заполярье. Да какая вам разница? Обстоятельства теперь переменились.

Разговор этот происходил в Абакане, в областном комитете партии. Стояла снежная суровая зима 1954 года. За окнами густыми хлопьями падал декабрьский снег. Даже не падал, а скорее, висел, затмевая даль и налипая на стекла. В кабинет сочился серый, какой-то зябкий свет. Человек, с которым я беседовал, Николай Димитрович Кудрявцев – заведующий отделом пропаганды и агитации – сидел за огромным, заваленным бумагами столом. А я помещался напротив – в потертом кожаном кресле для посетителей.

Облокотясь о стол, Кудрявцев негромко сказал:

– Вы правы. Обстоятельства, действительно, переменились. После смерти Сталина партия приняла новый курс... Но все же не надо думать, будто она переродилась и отказалась от главных своих установок и правил. Отнюдь! – он поднял палец. – Вопрос о бдительности, о контроле – остался...

– Это все понятно, – досадливо проговорил я. – Но потолкуем конкретно... Обо мне... Областная газета начала печатать мои стихи и очерки. И главный редактор теперь согласен взять меня на работу. Но тут все зависит от вас – так он мне заявил. Без вашего согласия он якобы ничего предпринять не может.

– Естественно, – усмехнулся Кудрявцев, – газета всецело подчиняется нам.

– Ну, а вы?..

– Ну, а мы тоже, в принципе, не против. Но существует общее правило: в партийные учреждения и, в том числе, в редакцию газеты, не принимают людей непроверенных, так сказать, с улицы... А вы как раз такой! Уж извините.

– Так что же мне делать?

– Самый простой вариант и самый для вас лучший – устроиться на какую-нибудь другую работу. А уж потом мы вас переведем... Но только – потом! Сначала приглядимся, присмотримся...

– Да к чему, собственно, присматриваться-то, – начал я... И тут же умолк. Понял: передо мною – стена! Ее не прошибешь и не поколеблешь. И обойти ее тоже нельзя. Надо смириться – ничего не поделаешь! – Вы говорите – устроиться, – вздохнул я. – Но куда? Куда? Может, вы мне посоветуете?

– А что вы, собственно, умеете? – поинтересовался Кудрявцев. – У вас есть какая-нибудь „мирная“ специальность? – И потом добавил, помедлив: – Насколько нам известно, вы были блатным... Профессиональным воров...

– Чепуха все это, сплетни! – воскликнул я возмущенно. – Ну, посмотрите на меня: разве я похож на блатного?

Кудрявцев прищурился, разглядывая меня. Потом сказал добродушно:

– Вообще-то лицо у вас уголовное. Что-то есть в нем такое... – он пощелкал пальцами, – специфическое...

– Ну, не знаю, – пожал я плечами, – не знаю, что вам померещилось. Во всяком случае, я по специальности художник-график. Иллюстратор. И, между прочим, хорошо знаком с оформлением и производством газеты.

– Что-о? – удивился Кудрявцев. Брови его полезли вверх, губа отвисла. – Это каким же образом?

– Так ведь я – старый фронтовой журналист! – пояснил я, глядя на собеседника невинными, чистыми „голубыми глазами“. – Вам об этом разве не докладывали?

– Н-нет... Но вы все-таки сидели?

– В общем, да, пришлось... А кто тогда не сидел?

– И арестовали вас за железнодорожный грабеж, не так ли?

– Эх, да какой там грабеж, – махнул я рукой. – Просто в поезде началась облава. Чекисты искали каких-то бандитов... Никого не нашли, ну и стали хватать всех подряд. Так вот я и попал. А ведь тогда, при сталинском режиме, как было? Если уж попался – то не вырвешься...

– Где же это происходило? Когда?

– На Украине, в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Помните, какое было время?

– Конечно. Но все-таки... – он насупился, бормоча: – Странно как-то... Непонятно...

И вдруг потянул к себе лежащий на углу стола свежий номер газеты.

– Значит, вы – журналист?

– Да, – сказал я нагло. – Еще какой!

– Проверим.

Кудрявцев с треском развернул газету и потом, постукивая ногтем о крупный верхний, идущий через весь лист заголовок, сказал:

– Существует определенная журналистская терминология. Вот как, например, такой заголовок называется?

– Шапка.

– Так. Ну, а это? – Он указал на большую статью, помещенную в самом низу страницы.

– Подвал.

Я отвечал легко и небрежно. И с благодарностью вспоминал в эту минуту старого своего лагерного приятеля Роберта Штильмарка. Три года назад, на знаменитой пятьсот третьей стройке, он обратил внимание на мои стихи и песни – поверил в меня как в литератора. И как-то раз подарил мне книгу „Оформление и производство газеты“, которую он принес с воли и постоянно хранил при себе. Вручая ее мне, он сказал: „Прочти и запомни – на свободе это тебе пригодится!“ И хотя я плохо тогда представлял себе свое будущее и не очень-то верил в добрые перемены, я все-таки книгу принял. И пронес через многие этапы и штрафняки. И частенько читал ее, валяясь на грязных дощатых нарах... И вот теперь прочитанное действительно пригодилось, внезапно выручило меня. Я даже и не предполагал, что так хорошо смог все это запомнить! Кудрявцев же и вовсе был потрясен моей эрудицией. Проэкзаменовав меня и сложив газету, он сказал, закуривая:

– Получается какая-то путаница. Вы, я вижу, специалист. Что ж, это упрощает...

Я встрепенулся при этих его словах, напрягся выжидательно. Теперь, подумал я, разговор пойдет по-иному... Может, он все-таки переменит решение?

Но нет – он не переменял...

– В общем, так, – сказал он, стукнув ладонью о край стола, – прежний уговор остается в силе. А с работой, что ж, поможем, подсобим! Вот кстати, – он заглянул в настольный блок-

нот, – у нас в Алтайском районе,¹ в селе Очуры открыт сельский клуб. Требуется заведующий... Думаю, это вам на первых порах подойдет. – И посмотрел на меня пристально. – Ну, как?

– Ладно, – пробормотал я.

– Там в клубе вы, кстати, примените и ваши художественные таланты. Там они пригодятся. Видите, как все хорошо устроивается! Ну, а что касается редакции...

– Да. Как насчет этого?

– Можете поддерживать с ней контакт, продолжать писать. Почему бы нет? Это не возбраняется. Будете, так сказать, внештатным корреспондентом нашей газеты по Алтайскому району!

Так произошел в моей жизни перелом. До этого я жил поистине волчьей жизнью – тревожной, тоскливой и неприкаянной... Я постоянно скрывался от властей и метался по всей стране. Сначала – как блатной, а потом – в качестве бездомного северного бродяги.

Бродяжий этот послелагерный путь начался в Красноярске два года назад. Я вышел тогда из ворот пересылки, исполненный радужных надежд и планов. Незадолго до освобождения я ухитрился переслать в местное отделение Союза писателей тетрадку своих стихов и мечтал об успехе. Я мечтал об успехе, но все обернулось позором... Писатели не приняли меня. И так оно и пошло, повелось: что бы я ни делал, что бы ни затевал, все неизменно завершалось бедою... Я бежал из ссылки – и голодал и мерз. Испытал тоску полярных пустынь. Повидал почти все арктические моря. А затем, на китобойной шхуне, обогнул азиатский материк. То был тяжкий период; я почти совсем разуверился в себе как в поэте. Но потом, после смерти Сталина, я вдруг узнал, что в Южной Сибири, в Абакане, меня начали помаленьку печатать.

И вот я вернулся в Хакасию – в места старой ссылки – туда, где ударили, наконец, колокола моей судьбы!

Все, правда, получилось не совсем так, как мне хотелось бы... Я ведь стремился попасть в газету; редакционная работа, как мне думалось (и теперь, оглядываясь на пережитое, я вижу, насколько я был тогда прав), должна была послужить мне своеобразной школой, научить меня многому и сблизить с творческой средой... Однако местное начальство – как вы уже знаете – отнеслось ко мне с некоторым недоверием. И опять, как и встарь, как бывало, мне пришлось хитрить, кривляться и делать „голубые глаза“.

Что ж, голубые глаза помогли! И хотя все получилось не так, я, тем не менее, не отчаивался. Я давно уже привык к тому, что судьба ничего не дарит мне, не дает мне быстро, легко...

Первый шаг был сделан. Теперь требовалось как можно скорее отправляться в неведомые Очуры – закрепляться там и начинать работать. В Абаканском обкоме партии мне ясно дали понять, что эта работа будет засчитана мне как некий испытательный стаж.

¹ Не следует смешивать маленький Алтайский район, находящийся в Хакасии, со знаменитым горным Алтаем. Слово „Алтай“ на тюркских языках означает „золото“. И таких названий встречается немало в Центральной и Северо-Восточной Азии. (Здесь и далее прим. автора. – Ред.)

ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО

Отправляясь в Очуры, я навел предварительно справки. И выяснил, что село это глухое, таежное, расположенное в стороне от железной дороги – на берегу Енисея. Село почему-то пользовалось весьма скверной репутацией. Жители там, по общему утверждению, были хитрецами и лентяями, а местный колхоз являлся самым нищим и захудалым во всей Южной Сибири.

Ну, удружил, сукин сын, со злобой думал я о Кудрявцеве, подыскал мне местечко! Хуже выбрать не мог!

Я думал так, подъезжая к Очурам на попутном грузовике. Дорога вывернула из-за густой еловой гривы и пошла через колхозные уголья. Они были заметены снегом, над ними вилась и дымилась голубая поземка. И в этом дыму виднелись какие-то постройки – дряхлые бараки, покосившиеся сараи. На одном из них крыша просела, прохудилась, и меж лохмотьями старого толя виднелись ребра стропил.

Словно после пожара или бомбежки, подумал я, озирая окрестность.

Но каково же было мое удивление, когда мы въехали в село! Контраст между ним и колхозом был разительный. Если там царил дух разрухи и запустения, то здесь – наоборот. Избы здесь стояли добротные, крытые железом. Мелькали наличники и нарядные крылечки. За высокими, крепкими оградами бесились цепные псы.

Село это, как и большинство сибирских сел, было большое, многолюдное, протянувшееся вдоль реки на полтора километра. И пока мы ехали к центру, нам встретились два мотоциклиста. Они промчались один за другим, гремя и разбрызгивая снежные искры. И проводив их удивленным взглядом, я сказал шоферу:

– Что-то я не пойму... При таком бедном хозяйстве – откуда весь этот шик? Я думал, что тут бараки, землянки, полная нищета, как в других местах. А тут – смотри...

– Ничего, не смущайся, – ответил тот, – потом поймешь. Тут, милоч, чудеса творятся... Это не Очуры, это страна Лимония.² Знаешь такую сказочную страну? В ней сорок лет гудки гудят и двадцать – люди на работу собираются...

* * *

В чудесах этих я разобрался довольно быстро. Захолустные Очуры, как выяснилось, являлись центром грандиозной, хорошо налаженной спекуляции.

На приусадебных участках – в частных огородах – здесь выращивался чеснок и превосходный, сладкий репчатый лук, который жители села регулярно сплавляли по Енисею вниз, в арктические районы – за полярный круг. Занималась этим вся местная молодежь, все здоровое население Очур. В колхозе же трудились старики; толку от них, естественно, было мало. И потому „общественные“ работы не приносили пользы никому – ни государству, ни самим колхозникам. Но зато частная, подпольная деятельность давала тут баснословные барыши!

Я познакомился с клубным баянистом Петром Азаровым, который временно, до моего приезда, исполнял обязанности заведующего, и тот за бутылкой водки разъяснил мне кое-какие детали.

– Лук и чеснок, – сказал он, – в Заполярье огромная ценность. Они там не растут, а нужны всем. Это же спасение от цинги! Первейшее средство! Ну, а государственное снабжение, как

² Это из старинного сибирского каторжного фольклора. „Страна Лимония“ – рай. Блаженное место, где не надо работать.

обычно – хреновое... В магазины поставляют овощи плохо, нерегулярно. Иногда их вообще не бывает по полгода!

Был баянист невысокий, с выпуклым брюшком, с заметной лысиной, хотя еще и не старый. И он постоянно посмеивался, поджимая пухлый рот, часто помаргивая белыми ресницами.

– Ты знаешь, каков основной закон социализма? – спросил он, пригибаясь.

– Нет. Каков же?

– Основной закон – это постоянные временные трудности!

– Остроумно. Но продолжай. Так что с луком?

– Да все просто. В результате постоянных этих трудностей возник черный рынок. И очурские мужики развернулись там вовсю... На этом рынке в районах золотых приисков – в Туруханске, в Енисейске, на реке Курейке – за килограмм лука дают от тридцати до пятидесяти граммов золотого песка. А иногда – особенно зимой – и все сто! – Он хохотнул. – Во по какой цене идет наш лучок!

– Значит, платят песком...

– Не всегда. Песок – это как эталон. Большинство мужиков предпочитает все-таки бумажки. Ведь золото, сам понимаешь, под особым контролем. Да и вообще, возни с ним много...

– А сколько стоит один грамм золота?

– Тридцать шесть рублей.³

Он выпил, потряс щеками. И потом мигнул мне значительно:

– Понял? А теперь посчитай. В обычном крестьянском мешке килограммов двадцать, не меньше. И если, скажем, привезти вниз, в Заполярье, десятка два мешков...

– Н-да, – пробормотал я, – тут пахнет тысячами.

– Бывает, что и миллионами! – внятно проговорил Петр. – Знаешь, как здесь называют лук? Горькое золото!

– Горькое золото, – повторил я задумчиво, – сильно сказано. Красиво... Да у вас в Очурах, я вижу, поэты живут!

– Поэты, – покивал, хихикая, Петр, – это ты точно... Двух таких поэтов я лично знаю! Салов и Кузмичев. Один из них начал этим делом промышлять еще в тридцатые годы, а другой – Кузмичев – развернулся уже во время войны. У них у каждого – есть слушок – миллиончика по два зарыто где-то.

– Где?

– Ха! Если б знать... Мне, брат, самому интересно.

Тема эта, видимо, волновала его. Он опять потянулся к бутылке, встряхнул ее, посмотрел на свет. И добавил, аккуратно разливая остатки по рюмкам:

– Да он не один такой... В селе есть два известных миллионера, а сколько еще тайных, скрытых – поди угадай! Как навигация откроется, ты сам увидишь: мужики толпами повалят на север.

– Это что же, по всему району такое творится? – изумленно спросил я.

– Нет, только в Очурах и еще в двух селах по соседству. В других местах такого лука и чеснока не найдешь. Какие-то здесь особые условия, что ли... А вообще-то земля у нас скудная и климат суровый. Тут ведь уже север близко – рукой подать!

– Как же мужики сплавляют свой товар? Это дело непростое, тут транспорт нужен...

³ Цена указана старая, существовавшая до хрущевской денежной реформы, которая произошла через несколько лет после описываемых тут событий.

– А у них контакт с речниками! Они нанимают в Абаканском пароходстве несколько грузовых барж и оформляют сделку официально. Лук идет как колхозный! Нет, брат, у них все отполировано.

– Но постой. Это значит, что начальство заодно с ними? В курсе дела?

– Не только в курсе, но и в доле... На этой афере греют руки и речники, и председатель колхоза, и парторг. Каждый получает с общей выручки три процента. Мало того, наш парторг Никольский, он и сам выращивает лучок. Загляни как-нибудь к нему в огород... Там такая плантация!

– А кстати, ты, – поинтересовался я, – тоже небось выращиваешь, а?

– Что ж, мы хуже других? – с обидой в голосе отозвалась жена Петра Людочка, бойкая и весьма миловидная бабеночка. До сих пор она помалкивала, теперь вдруг решительно вмешалась в беседу. – Нет, мы тоже не лыком шиты! Здесь мы, правда, люди новые, второй год всего живем. И не сразу разобрались... Жаль... Но сейчас-то уж знаем – что к чему!

– Да, конечно, – ухмыляясь, заключил Петр. – Участочек мы с ней подготовили неплохой. Мешков пять-шесть весной наберется. А это тоже куш! Да ведь сам посуди: кто же роскошную жизнь не любит?

Я долго просидел у Петра – этого любителя „роскошной жизни“. Он рассказал мне немало любопытного... А затем мы уже в сумерках пошли по селу, подыскивать мне жилье.

И вскоре нашли: это была просторная изба-пятистенка,⁴ стоящая над рекой, над самым обрывом. Обитала здесь пожилая вдова Наталья Макаровна Болотова (которую, впрочем, все звали просто Макаровой) и больной ее сын Алексей. Чем он болел, я так и не понял поначалу. Был он парень молодой и плечистый, с одутловатым бледным лицом, густой копной рыжеватых нечесаных волос и странным бегающим взглядом.

Вот только один этот взгляд и настораживал, и навевал некоторые сомнения...

Макаровна, говоря о сыне, сделала рукой неопределенный жест:

– Что-то у него нервное... Он раньше шофером был. А с прошлой весны, с апреля, освобожден от работы по инвалидности. Отдыхает. Ему покой нужен!

– Мне тоже, кстати, нужен, – сказал я. – И если тут, действительно, тихо...

– О, насчет этого не беспокойся, – заверила меня вдова, – у нас тихо, как в могиле... Да и просторно. Вся вторая половина избы – твоя!

Мы легко с ней сладились – цену она назначила невысокую. И я тотчас же перетащил на новое место пожитки. Их было немного: старый рюкзак с барахлом и чемодан, нагруженный книгами и рукописями.

⁴ „Пятистенка“ – сибирская удлиненная, как бы сдвоенная изба. Пятая стена здесь – внутренняя, разделяющая постройку на два больших помещения.

СТРАННЫЙ ДОМ

Оставшись один, я разложил на столе бумаги. Присел, закурил. И задумался.

Я перебрал в памяти события дня, пытался разобраться в них. И вдруг, непонятно почему, передо мною возникло видение детства. Я не звал это воспоминание, оно пришло само... Наша память – как клубящийся туман. В мутных волнах его маячат фигуры людей и очертания предметов; то проступают отчетливо, то растворяются, тают... А иногда, под порывами ветра, пелена тумана колеблется и рвется, и тогда на какое-то мгновение открывается яркий пейзаж...

И сейчас я увидел пейзаж своего детства; узнал окрестности Подмосковья. И разглядел – на зеленой лужайке – самого себя, отчаянно дерущегося, измазанного в крови, окруженного толпой возбужденных подростков.

Я дрался с врагом своим – соседским мальчишкой. Не помню уж, по какой причине возникла эта вражда... Впрочем, врагов у меня всегда хватало с избытком! Схватка была нешуточной – до полной победы. И тянулась она долго. Противник был покрупнее меня, покрепче, но я знал, что не уступлю ему, не поддамся! И сопя, задыхаясь, бил его. Принимал удары и снова бил. Все бил и бил... Мне легче было бы умереть, чем проиграть. Особенно здесь, сейчас, на виду у толпы.

И я, в результате, выиграл! Сбитый с ног, он не поднялся – остался на земле. Ах, это был триумф! Исполненный гордости и торжества, я постоял над ним подбоченясь... А затем побежал к своему дому. Ребята бросились за мною следом. Но они не обгоняли меня; держались почтительно сзади. Они сразу дружно признали во мне вождя. И я чувствовал это!

Я бежал, как бегают чемпионы, – небрежно, вразвалочку, с эдакой ленивой грацией... И неожиданно возле самого дома поскользнулся, потерял равновесие. И с размаха шлепнулся – лицом в дерьмо.

Лицом в дерьмо! Представляете, что это такое? Я поднялся, весь скорчившись, содрогаюсь от отвращения. Зловонная желтая жижа текла по моим глазам. На мгновение я ослеп... И сразу же услышал хихиканье. Из героя и победителя я мгновенно превратился в посмешище, в ничто.

Пустяшный этот, давний случай показался мне почти символическим. В самом деле – разве не так сложилась и вся моя взрослая жизнь? Не под тем ли знаком она проходила? Я постоянно рвусь к победе – и падаю, поскользнувшись.

Не оказаться бы в таком положении и сейчас, подумал я с мрачным юмором, не поскользнуться бы... Ведь что происходит: я, начинающий журналист, сразу же, с первых шагов, наткнулся на богатейшую тему. „Очурские миллионеры“ – какой это материал для статьи! Какая редкостная находка! И, конечно же, отказаться от такой находки глупо. Да и вообще нельзя. Ведь рассказать обо всем, что я узнал, мой прямой журналистский долг! Но, с другой стороны, к чему это может привести? Статья, разумеется, нашумит, создаст мне имя. И в то же время она явится обвинительным материалом против крестьян. Я выступлю как разоблачитель и сделаю имя на чужой беде. А ведь крестьянство и так испытало немало – и свирепый классовый террор, и повальный голод тридцатых годов, а затем – и сороковых... Пережило все это и поднялось, как бы из праха. И вот здесь, в Очурах, сумело жалкие свои огороды превратить в источник небывалых доходов. Конечно, местные мужики – спекулянты, торгаши. Но ведь не они же, в конце-то концов, создали черный рынок! Мужички – что ж! Они просто использовали ситуацию.

Так, в одиночестве, без сна, я сидел и чувствовал, что в обоих случаях – напишу я или нет – я одинаково могу поскользнуться... Речь, так или иначе, идет о предательстве. Или я предаю людей, или же – самого себя, свои интересы, карьеру.

В моих рассуждениях был только один пункт, не вызывавший ни малейших сомнений. Если очурских мужиков я жалел, то местного парторга – нет, никак! Мужики – извечные жертвы властей; им можно многое в связи с этим простить... Но зачем, ради чего прощать представителя власти, секретаря партийной организации?! Его участие в спекуляциях – это ведь не борьба за жизнь, а просто грязная жажда наживы. Причем здесь он спекулирует вдвойне, ибо пользуется партийными привилегиями и обманывает свою партию.

Вот о нем бы я написал охотно! Но тут опять свои сложности. Стоит мне только затронуть имя этого подонка, и сразу же потянется ниточка ко всем остальным...

Машинально я глянул на часы; время уже далеко перешло за полночь. Стояла глухая поздняя предутренняя пора. Ноги затекли, занемели от неудобной позы, и я поднялся, разминаясь. И подошел к окну.

За ним, в пепельном лунном дыму, лежал Енисей – одна из величайших азиатских рек. Отсюда, с обрыва, хорошо было видно белесое его, ледяное плато. Он широко лежал, Енисей; здесь, в среднем течении, ширина его была около километра.

И вглядываясь в светлую мглу за окошком, я внезапно подумал о том, что мы оба с этой рекою – бродяги. И наши судьбы схожи. Мы начинали бурно, извилисто, суетсяь и куда-то спеша, а теперь уже прошли часть пути и обрели размах и некоторое спокойствие. Остепенились. Перевалили рубеж... Хотя мне было тогда всего лишь двадцать восемь лет, вроде бы совсем немного, чувствовал я себя старше, гораздо старше. Я всегда жил как бы с двойной нагрузкой... Жил за двоих! И если это учесть, то возраст у меня получался солидный. Такой, при котором уже нельзя, непозволительно было суетсяься и путаться.

Так, незаметно, начали рождаться стихи. „Среднее течение – это значит, путь к седым вершинам жизни начат!“

И уже знал я: статью о „горьком золоте“ я никогда не напишу. Но зато в первом же моем письме в редакцию будет послано новое стихотворение.

* * *

Кто-то легонько тронул меня за плечо, и я обернулся стремительно. И увидел Алексея.

Как он появился здесь? И зачем? Его шагов я не расслышал, не ощутил – значит, он специально подкрадывался сзади...

– В чем дело? – спросил я угрюмо. Я не любил, когда кто-то дышит за моей спиной, возникает исподтишка. – Что? Не спится?

– Да уж какой тут сон, какой сон, – забормотал он. И осекся, с перехваченным дыханием.

И некоторое время стоял так – весь напрягшийся, со взмокшими висками, с застывшим, недвижимым лицом.

Он стоял вплотную ко мне. Но глаза его бегали, ускользали, и я все никак не мог заглянуть в их глубину. Они смотрели мимо меня, в окно.

– Какой тут сон... Они же там! Ты тоже, наверное, заметил.

– Что заметил? – спросил я удивленно.

– Ну, что. Будто не понимаешь. Прислушайся! Он подался к окошку – вытянул шею.

– Вон – скрипнуло. Слышишь? И еще... Это они! Ходят возле дома. Все ходят и ходят. Каждую ночь!

– Да кто ходит-то? – нахмурился я. – Кто? Что это еще за чертовщина! Ничего я не слышу. Да и нет там никого...

– А зачем же ты стоишь тут? – усмехнулся он недоверчиво. – На что смотришь-то?

– Просто так... На Енисей. Гляжу вот, думаю.

– Ой, не хитри, не хитри!

Он погрозил мне пальцем. И тут, наконец, наши взгляды встретились, пересеклись.

Зрачки его были расширены, непомерно велики. И они дышали, подрагивали...

Впервые в жизни я видел, как дрожат глаза. В них не отражалось ни единой живой мысли – только страх! Один только темный, слепой страх.

И, положив на плечо ему руку, я тогда сказал, как можно проще и ласковей:

– Послушай, успокойся. Я не хитрю. Иди к себе – ляг, усни... А если я что-нибудь замечу, я тебя сразу же предупрежу. Обещаю!

– Правда? – лицо его сразу помягчело и осветилось улыбкой. – Обещаешь? Ну, тогда ладно. Пойду...

Алексей ушел, а я вскоре разделся и потушил свет.

„Странный дом“, – подумал я, укладываясь.

И невольно вспомнил слова, сказанные Макаровой: „У нас тихо – как в могиле“.

И в этот самый момент из-за двери из другой половины избы – донесся тихий, прерывистый, скрежещущий звук.

„Что еще там делают?“ – удивился я.

Прислушался. И понял вдруг, догадался: с таким вот скользким скрежетом точится на оселке сталь ножа.

Я НАЧИНАЮ ДЕЙСТВОВАТЬ

На следующее утро состоялось мое вступление в должность директора. Я обошел все помещения клуба – двухэтажного, барачного типа здания – и принял от Петра под расписку казенное имущество... Процесс этот не затянулся надолго, имущества было немного.

Среди клубного инвентаря оказался, между прочим, старенький газик, стоявший во дворе, в дощатой пристроечке. Осмотрев его, я спросил:

– А шофер есть?

– Ну откуда, – сказал Петр, – здесь же ведь не театр, а сельский клуб. По штату положены только трое: директор, хударук и уборщица. – И потом, ухмыляясь: – А ты сам-то разве не водишь?

– Да нет, – проговорил я невнятно, – не успел, понимаешь, научиться... Времени все не было... Но, черт возьми, как же быть без шофера?

– Обойдемся, – похлопал он меня по плечу. – Я вообще-то умею немного... Теперь ты мой начальник, прикажешь – повезу.

Он весело говорил со мной, беззаботно, и это меня порадовало. Признаться, я ожидал иной реакции. Мне казалось, что он воспримет свое понижение с обидой и, не дай Бог, еще станет моим врагом. Но нет, все обошлось. Происшедшая с ним перемена его как бы даже устраивала, удовлетворяла!

Да он мне погода так и заявил:

– Знаешь, я доволен. Теперь я вольная птица! Мое дело – музыка, самодеятельность, работа с молодежью. А где она, молодежь? Ей не до песен, она луком занята... Ну, и я могу заняться, чем хочу. А на директорском посту все время суета, хлопоты. То одно требуется, то другое. Вот завтра, к примеру, привозят новый фильм, надо подготовить зрительный зал.

– А что там готовить? – небрежно поинтересовался я.

– Ты видел, в зале в углу навалены скамейки? – сказал он. – Мы их недавно только приобрели... Так вот, они еще не крашены. Их нужно сегодня же успеть покрасить, и главное, пронумеровать. Учти: на носу праздник – Новый год!

Затем он заторопился, стал прощаться. И, пожимая мягкую, влажную его ладонь, я спросил растерянно:

– А разве ты не останешься?

– Нет, брат, некогда, – мигнул он, – пойду домой – музыкой подзаймусь...

* * *

Итак, я начал действовать.

Порывшись в клубной кладовке, я разыскал зеленую краску для скамеек и светлый сурик – для цифр. Подумал: может быть, заготовить для цифр трафареты? Но тут же с усмешечкой отогнал эту мысль: „Зачем? Пустяки. Ведь я же художник!“

И, расставив рядами тяжелые длинные скамейки, я неспешно принялся малевать. Я малевал и посвистывал, и одновременно размышлял о ночном происшествии – о больном Алексее.

Странная все-таки у него болезнь... Ведь он болен страхом – это похоже на манию преследования. Но как же она возникла, эта мания – по какой причине?

Есть в медицине такое понятие: „психическая защита“. У городских жителей, у интеллигенции, защита эта ослаблена, и потому так много там всяческих психозов и комплексов. Город порождает или анархическую личность, пафос которой – разрушение, или же личность большую, безвольную, ослабленную страстями и страхами... Но деревенская среда иная! Люди

здесь, может быть, ненамного лучше городских, но все же проще, целостнее, ближе к земле. И жизнь их менее суетна. И если у такого молодого, крепкого деревенского парня, как Алексей, появляется мания преследования, то для этого должны быть веские основания.

Причины болезни надо искать здесь, во внешних обстоятельствах, в недавних деталях его биографии. Что я, собственно, знаю об Алексее? Немного, очень немного... Знаю, что он коренной житель села. В Очурах родился, рос и учился. Потом работал шофером на кирпичном заводе, расположенном неподалеку. Все шло нормально, но вдруг весной 1954 года что-то случилось с парнем.

Он перестал ходить на работу, стал бояться темноты, начал страдать бессонницей... И когда мать отвела Алексея к врачу, тот сразу же признал его больным. А затем на медицинской комиссии Алексею дали временную инвалидность.

Так что же все-таки случилось? Что могло столь сильно напугать его, ошеломить, подвести к черте безумия?

Тут была какая-то тайна... Тайна, которую следовало раскрыть, разгадать!

Погруженный в раздумья, я трудился весь день, дотемна. И покончив с покраской скамеек, долго еще возился в клубе – наводил там порядок, подновлял старые, выцветшие плакаты и лозунги. И стены здания преображались под моими руками, обретали праздничную пестроту...

Уснул я под утро. И, засыпая, вздохнул утомленно и пробормотал, обращаясь непонятно к кому:

– Я вам покажу, что такое настоящий директор! Настоящий мастер! Вы надолго запомните имя Михаила Демина.

* * *

Я ужинал, сидя в закуской. Время было – восьмой час. До начала первого сеанса оставалось минут двадцать, и я, закончив все дела, отдыхал, благоденствовал, неторопливо потягивая пиво.

Дверь закуской распахнулась с грохотом. И на пороге возник человек в заснеженной волчьей дохе, в шапке, сдвинутой на бок. С минуту он постоял, озирая зал. Затем крикнул зычно:

– Эй, кто тут новый директор клуба?

Пробегающая мимо официантка указала на меня. И он пошагал вперевалочку и, подойдя ко мне, грузно оперся ладонями о столик.

– Так это ты, значит!

– Ну, я, – сказал я, поднимая лицо.

– Хорош гусь, – протяжно проговорил незнакомец, – хорош... Значит, вот так ты и директорствуешь?

Лицо у него было злое, темное, на щеке подрагивал желвачок. И я спросил, настораживаясь:

– А вы по какому, собственно, вопросу?

– По какому? – прищурился тот. – Не знаешь? Натворил делов, а потом целочку строишь, а? Ты мне всю работу сорвал, вот и весь вопрос!

– Да кто вы такой?

– Киномеханик.

– Ну и что?

– Как – что? – грозно нахмурился он. – Я же должен продать все билеты, у меня план, понимаешь?! Мне надо выручку собрать. А как я соберу ее сейчас, после твоих фокусов?

Я еще не понял в чем дело, но тоже уже начал сердиться. „Черт возьми, – подумал я, – что же это он называет фокусами?“ Я старался изо всех сил, работал почти сутки. Перекрасил старый сарай. И вот благодарность!

Но тут же у меня мелькнула мысль: может, вся суть именно в краске? Она, очевидно, не высохла, и сидения пачкаются...

– Так вы о скамейках, что ли? – спросил я.

– Конечно, – сказал он. – Как теперь на них сидеть?

– Ну, это уж не моя вина, – начал было я, усмехнувшись. Но он перебил меня яростно:

– А чья же? Чья же еще? Ты как их пронумеровал? У меня билеты стандартные. На каждом – обозначен определенный ряд и место. А ты пустил номера вкруговую! И сейчас там, в зале, паника, драки, скандал...

Пока мы толковали с ним, в чайную набилось много народа. Люди обступили нас плотной стеной. И какая-то девушка, протягивая мне билет, вскрикнула плачущим голосом:

Вот смотрите! Здесь написано: шестой ряд, восьмое место. А в клубе, в этом ряду, номера идут от семьдесят шестого до девяностого. Куда ж садиться? Это... Это какое-то хулиганство!

– А у меня, – вмешался кто-то, – в одиннадцатом ряду оказался номер сто семьдесят. Трехзначная цифра! И там уже кто-то устроился, а я его согнать не могу. Билеты-то ни к черту не годятся.

Я сидел подавленный и словно бы закаменевший. Люди шумели вокруг меня, а я помалкивал. Да и что я, собственно, мог им сказать? Что я человек рассеянный? Что я думал во время работы о другом?.. Да, конечно, так все и было. Но вряд ли бы эти оправдания приняла разгневанная толпа.

В захолустном таежном селе кино всегда – праздник. Сюда его привозят раз в неделю, а порою еще реже. Его ждут с нетерпением! И вот сейчас этот праздник, да еще под самый Новый год, сорвал, испортил я – пришлый, никому не ведомый человек.

А ведь вы и сами, верно, знаете, как относятся в деревнях к чужакам...

– Ты, что ли, ненормальный? – спросил киномеханик. И покрутил у виска толстым мохнатым пальцем. – Одной гайки не хватает, а? Откуда ты только взялся такой?!

И опять невольно припомнился мне давний, детский случай, когда я упал, поскользнувшись... Я находился сейчас в таком же состоянии. И не знал, как подняться. Но внезапно появился мой помощник, баянист. И выручил меня!

Выручил, надо сказать, просто, легко, с ловкостью прямо-таки гениальной.

Протиснувшись меж людьми, он ухватил механика за рукав и зачастил, задышал ему в ухо:

– Ну, чего ты шумишь? Пойми, это все по пьянке вышло! Мы вчера отмечали его приезд, ну и ошиблись малость. Напились, конечно, до безобразия... Так что тут общая наша вина.

– Ах, так вот в чем дело, – медленно проговорил механик. И улыбнулся: – Надрались, значит, сукины дети?

– Да уж случился такой грешок, – сказал смирным голосом Петр. – Но мы ведь все тут грешники. С кем такое не случилось?

И он обвел взглядом толпу, как Христос, когда тот спрашивал: кто первым кинет в Магдалину камень?..

Нет, камень никто в меня не кинул. Наоборот, в притихшей толпе расцвели улыбки, посыпались шуточки. Лица людей мгновенно подобрели. В России пьяных понимают, жалеют. К ним спокон веку относятся сочувственно. Существует даже древняя народная поговорка: „пьяный проспится, дурак – никогда!“

И вот именно эти слова повторил киномеханик. И потом, поворачиваясь к народу, добавил:

– Что ж, коли так получилось, обделаем все тихо... Идите, братцы, садитесь – кто куда сможет. Проведем этот вечер, как в Европе! Там у них сроду места не нумеруются. У них все от быстроты зависит. Кто первым успеет, тот и пан!

Так закончился мой очурский дебют. И все-таки мечты мои исполнились. Исполнились, правда, в одном: с этих пор здесь, действительно, имя Михаила Демина запомнили крепко, надолго.

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А в доме у меня все шло по-прежнему. Странности продолжались. Алексей точил по ночам ножи, и я, засыпая, частенько слышал скрежет стали, скользящей по оселку.

И наконец я решил поговорить с ним откровенно, по душам.

Мне не надо напрягать память, чтобы подробно, во всех деталях, восстановить события тех дней. Ведь это был, по существу, мой самый первый шаг на поприще частного детектива! Я сказал: „события тех дней" ... Но, пожалуй, правильнее было бы сказать – ночей. Когда я думаю об Очурах, то село это все время предстает мне в каком-то странном, ночном освещении...

И когда мы разговорились с Алексеем, опять была ночь. За окном клубилась черная, непроницаемая, густая, как деготь, тьма. Мы с ним не спали, вместе пили чай. И я сказал Алексею:

– Послушай, ты понимаешь, как ты живешь? Ты же так окончательно чокнешься. Все время ждешь чего-то, чего-то боишься и молчишь... Не молчи! Расскажи мне все, и сразу тебе станет легче. И поверь, я тебя не выдам, не подведу; может, даже помогу кое в чем.

Он быстро исподлобья глянул на меня. И спрятал глаза. И какое-то время сидел так, насупившись, собрав морщины на лбу и у рта.

– Ладно, – погодя сказал он. И завозился, прикуривая, нервно ломая спички. – Помочь ты мне вряд ли сможешь... Но – расскажу!

Речь его была сбивчива, путана, неровна. Но я слушал внимательно. И вот что выяснилось в результате.

Прошлой весной, в середине апреля, он ехал на машине – на трехтонном заводском грузовике – по таежной дороге. Был вечер, заря горела, и по сторонам, обволакивая стволы, уже текла, густая, синяя сумеречность. И вот из этой полутьмы выступили вдруг черные людские фигуры. Алексея мгновенно охватил панический страх. Он давно уже знал о том, что в окрестной тайге бродит банда ночных налетчиков. Называют ее „Черная Кошка". С заходом солнца наступает ее час... И теперь Алексей решил, что встретился именно с нею.

Появившиеся из чащи люди сгрудились у дороги. Один из них выбежал навстречу машине и что-то крикнул. И встал, раскинув руки крестом. Он явно хотел остановить Алексея, задержать во что бы то ни стало. Алексей так это и понял, но не затормозил, а наоборот – зажмурился и дал полный газ!

Грузовик взвыл и рванулся и сшиб стоящего на пути человека. Вдогонку понеслись проклятия, вопли. Ударил выстрел. Кто-то погнался за машиной, но вскоре отстал...

В тот вечер Алексей долго – допоздна – кружил по дорогам; ему все мерещилась погоня. Наконец вернулся домой. Но и здесь он тоже не обрел покоя. „Если они заметили номер машины, – думал Алексей, – я пропал. Они все равно до меня доберутся..." Мысли эти, раз возникнув, уже не оставляли его. И так, постепенно, пришла к нему болезнь.

– С тех пор, значит, и точишь ножи?

– Ну да. Надо всегда быть готовыми! Они придут ночью, будут думать, я сплю... А я – вот он. Жду. И ножичек мой – как бритва – во-острый!

– Но ты уверен, что человек этот действительно мертв? Ты же ведь сам говоришь, зажмурился...

– Ну и что? Я все равно знаю... Слышал.

– Что же ты слышал?

Он зябко поежился, как на морозе. И потом сказал:

– Хруст костей... Жуткий, какой-то мокрый хруст.

* * *

Сутки спустя мы с Петром Азаровым отправились на нашем газике в городок Алтайск, в районный центр.

Мне надо было побывать там в отделе культуры, которому я как директор клуба был непосредственно подчинен, а также заглянуть в редакцию местной многотиражки. (Я писал стихи и корреспонденции не только для своей областной газеты, но и для этой тоже.)

И была у меня помимо этих задач еще одна – особая.

Я решил зайти в районное отделение милиции и побеседовать там с кем-нибудь об обстоятельствах, связанных с Алексеем. Именно об обстоятельствах! Лично о нем я предпочитал пока не упоминать; меня сейчас интересовало другое: произошло ли в тайге происшествие, подобное тому, о котором он мне рассказал? Было ли это в действительности? Если да, милиция должна была бы знать... Ведь случилось это не в глубинах тайги, не в дальних ее чащобах, а поблизости – в людных, густонаселенных местах!

И вот когда я разыскал алтайскую милицию, оказалось, что войти туда – дело для меня нелегкое...

Я словно бы наткнулся здесь на невидимый барьер.

Барьером этим была моя память, мой старый инстинкт – память лагерника и инстинкт бродяги.

Всю свою прошлую жизнь – всю молодость – я провел в конфликте с властями. Я привык смотреть на милицию с позиции преследуемого и относиться к ней как к врагу. Это чувство враждебной отчужденности укоренилось во мне прочно, вошло в мою кровь и плоть. И вдруг теперь я являюсь туда совершенно свободно, на равных. Прихожу за советом...

„Н-да, многое в моей жизни меняется, – усмехнулся я, топчась у дверей милиции. – Из мира привычных плоскостей я как бы перехожу в новое, другое измерение... Ну что ж. Если уж переходить, так сразу, не колеблясь“.

И, растоптав в снегу недокуренную папиросу, я толкнул тяжелую, обитую войлоком дверь.

* * *

Начальник оперативного отдела старший лейтенант милиции Анатолий Хижняк был человеком немолодым и, видимо, сильно усталым. Плохо выбритое, костлявое лицо его испещряли морщины, голос звучал тускло, хриповато. Порывшись в бумагах, он сказал:

– Нет, в очурской тайге за последнее время никаких трюпов обнаружено не было.

Хижняк поскреб щетину на подбородке. И поднял ко мне покрасневшие, воспаленные глаза.

– В другом селе Белый Яр, действительно, произошло недавно убийство. Но преступление уже раскрыто, убийца задержан. Скоро будет суд... Вот так. А в Очурах, в общем, пока тихо.

– Есть, однако, люди, – проговорил я с сомнением, – которые утверждают, что там орудует какая-то банда.

– Банда там, это верно, была, – подтвердил инспектор, – но мы ее здорово потрепали, и она – по агентурным сведениям – перебазировалась в северные районы. Можете так и написать!

Войдя к нему, я сразу же представился журналистом, предъявил удостоверение внештатного корреспондента, и он теперь думал, будто я собираю материал для своей газеты.

– Да, можете так написать. Ушла после столкновения с нашей оперативной группой.

– Ушла когда?

– С весны прошлого года.

Он промолчал. И вдруг, прищурившись, спросил меня:

– Вы говорите, есть какие-то люди, которые утверждают... Это кто же, а? Уж не Алешка ли Болотов?

Я даже покачнулся от удивления; вот этого, признаться, я никак не ожидал! Неужели он знает Алексея и все, что связано с ним?

– Я все знаю, – покивал с усмешечкой Хижняк. – А как же! Такая уж моя обязанность. Но должен вам сразу сказать: то, что Алексей утверждает, – бред, пустяки.

– Почему же? Мне это, наоборот, показалось весьма серьезным.

– Да ведь он же псих! Или же, что еще более вероятно, простой симулянт, притворщик. Выдумал историю с бандой и кантуется теперь... Легкую жизнь себе сыскал... У него ведь временная инвалидность, „вторая группа“, так что пенсия обеспечена.

– Ну, пенсия-то, я думаю, пустяковая.

– А много ли ему надо – в избе своей сидючи?

– Вы вообще-то говорили с ним?

– С ним лично – нет. Но к нам приходила Макаровна, его мать; она все рассказала...

– Что же именно?

– Да все! Как он ехал по тайге, как увидел бандитов. Они хотели его задержать, но он якобы испугался и уехал... И теперь он, видите ли, не спит, психует, боится преследования... В общем, чепуха какая-то.

Я тут же подумал: ага! Об убийстве Алексей не сказал своей матери ни слова. Скрыл от нее эту деталь. Почему? Хотя понятно... Значит, он и вправду задавил кого-то! Иначе, если бы он фантазировал, бредил, зачем бы ему было скрывать?

Зазвонил телефон. Хижняк снял трубку, вслушался. И сразу же нахмурился, помрачнел.

Затем он вновь обратился ко мне. Но говорил он теперь быстро, заметно нервничая, искоса поглядывая на часы.

– По просьбе его матери мы даже посылали в Очуры сотрудников. Трое суток они там торчали – охраняли дом, проверяли обстановку... Ну и, конечно, все оказалось блефом! Вот так. И хватит об этом.

И он поднялся, складывая бумаги и давая мне тем самым понять, что аудиенция кончена.

ИДУ ПО СЛЕДУ

Выйдя из милиции, я пошагал к районной чайной, где меня по уговору должен был ждать баянист.

Он уже был там. И успел распорядиться насчет закуски и графинчика (в сибирских чайных подают, в основном, не чай, а водку). И сидел, развалился на стуле, о чем-то толкуя с неизвестным мне высоким худым парнем. Внешность у парня была запоминающаяся. В густой его черной шевелюре белела узкая, словно нарисованная, седая прядка. А рот был набит металлическими зубами.

Увидев меня, Петр привстал, махнул призывно рукою. Парень же мгновенно исчез.

– Кто это был? – поинтересовался я рассеянно.

– Один знакомый, – пробормотал Петр.

И он внимательно глянул на меня.

– Что у тебя за секреты с лягавыми?

– Да так, пустяки, – ответил я, – надо было оформить прописку...

Потом я грелся водочкой и размышлял.

Несмотря на всю убедительность доводов, приведенных инспектором, я был преисполнен сомнений. Интуиция подсказывала мне, что дело Алексея Болотова гораздо серьезнее и сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Я по-прежнему ощущал, улавливал терпкий запах неразгаданной тайны.

Хижняк считает Алексея симулянтом, думал я, считает, что он просто ищет легкую жизнь. Но ведь есть же врачи, давшие парню инвалидность! Надобно с ними потолковать. Да и вообще, не такая уж легкая, если приглядеться, жизнь у Алексея. Я вспомнил странные его глаза, вспомнил фразу: „Ножичек у меня – как бритва – во-о-острый!“ – сказанную тихим, вздрагивающим, рвущимся голосом...

И, обращаясь к баянисту, спросил:

– Не знаешь, тут есть какая-нибудь больница? Или клиника?

– Есть, – сказал он, с хрустом что-то жуя, – все есть.

– А как туда пройти?

– Топай к реке, – пояснил он, – там находится Первомайская улица. Вот на ней...

– Ладно. – Я поднялся, застегнул меховую свою тужурку. – Сделаем так. Сейчас я уйду по делам, а ты жди... Встретимся через час-полтора. На этом же самом месте!

* * *

Лечащего врача Алексея я разыскал без хлопот. (Редакционное удостоверение помогало мне всюду – открывало любые двери!) И вот какой состоялся у нас разговор:

– Когда Алексей Болотов появился у вас впервые?

– Восемь месяцев назад. А точнее – двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

– Он один приходил?

– Нет, с матерью... И по ее словам, заболел он еще раньше.

– И что же вы установили? Он действительно болен?

– О, да.

– Это опасно?

– Да как вам сказать... – Врач поправил очки. – У него проглядываются симптомы депрессивно-маниакального психоза. Болезнь в начальной стадии. Со временем она может

пройти. Но может и укорениться, остаться, и тогда в его психике произойдут уже необратимые изменения... Трудно что-либо утверждать заранее! К сожалению, эта область шизофрении еще мало изучена, хотя и является самой распространенной.

– Как же с ней все-таки борются? Существуют хоть какие-нибудь лекарства?

– Конечно. И немало. И я прописал ему кое-что. Но, на мой взгляд, самое существенное тут – не лекарства, а обстановка, условия, среда...

– Но почему же вы не положите его в больницу?

– А что это даст? – пожал он плечами. – Вы представляете себе атмосферу больницы? Вот то-то. Больничная среда зачастую оказывает обратное, пагубное воздействие.

Сняв очки, врач подышал на них, протер полый халата и потом, рассеянно вертя их в пальцах:

– Больница не уйдет... Не о ней надо сейчас думать... Вы говорите, что знаете его хорошо?

– В общем, да, – сказал я.

– Какова его личная жизнь?

– Да неважная... Он все время один. Страдает бессонницей, живет во власти страхов.

– Вот это скверно, что один. Очень скверно! Одному нельзя. Надо, чтоб были вокруг люди, друзья... Ведь у него же есть друзья. Я знаю!

– Какие друзья? – удивился я.

– Я точно помню, – сказал врач, – тогда же, в апреле, ко мне приходил кто-то из профкома, и с ним были еще двое – близкие друзья Алексея. Так они, во всяком случае, назвались! И эти люди, вот как вы сейчас, интересовались состоянием Алексея, его болезнью.

– Значит, вы говорили со всеми... Но разве это можно?

– Голубчик, – сказал он мягко. – Здесь деревня! А в деревне тайн нет. Никаких. Ни от кого. И коли так, то я предпочитаю, чтобы люди знали точно: как действительно можно помочь заболевшему... Тем более, если речь идет о его близких друзьях!

* * *

Нет, я не ошибся. Дело Алексея действительно оказалось серьезным. На Кирпичном заводе (я это выяснил сразу же) судьбой Алексея никто не интересовался и к врачу не ходил; там получили заключение медкомиссии и успокоились. Так что „друзья" его были другого сорта! И эта деталь говорила о многом.

За Алексеем следили – его проверяли... Кому и зачем нужна была эта проверка, я не знал. Но чувствовал: надо спешить.

И прежде всего следовало разобраться в обстоятельствах, связанных с таежным происшествием.

Происшествие это являлось как бы отправной, исходной точкой. И все было бы просто и легко, если бы убитый нашелся. Но в том-то и дело, что труп обнаружен не был и не попал ни в один милицкий протокол. Его никто не видел! А раз так, то и вообще неизвестно, был ли он на самом-то деле?

Конечно же в тайге спрятать труп нетрудно. Можно его, например, зарыть... Но зачем бы стали тайно зарывать его лесные эти люди, даже если они действительно были бандитами? Товарищ их погиб не „на работе", а просто по нелепой случайности. И в данном случае им нечего было бы скрывать... Наоборот, его постарались бы похоронить легально, по всем правилам.

Я растерялся, запутался, почувствовал себя, как собака, сбившаяся со следа. Сбившаяся, но все же еще не утратившая нюх. И упорно кружащаяся, вьющаяся в кольце начатого поиска...

И вдруг меня осенило. Идиот, я все время думаю об убийстве, ищу труп! Но почему именно труп? С какой стати? Ведь Алексей тогда зажмурился и сразу же скрылся, и, стало быть, он не знает подробностей... А что если сшибленный им человек остался жив? И, раненный, попал в больницу? Потому-то его и нет в протоколах. Такой вариант вполне реален. И вот это-то и надобно теперь разузнать.

* * *

Так начались мои хождения по окрестным больницам.

В Алтайске я не разузнал ничего, но это меня не обескуражило. Район сам по себе огромный, и в нем в разных концах имелось, как я выяснил, четыре крупных больницы. И потребовалось время – прошла зима, – пока я побывал во всех... Слава Богу, в моем распоряжении была машина! И вот в последней по счету, расположенной на границе с соседним районом, я вроде бы напал на след...

В регистрационном журнале отдаленной этой больницы мне попала любопытная запись:

„В ночь на 15 апреля 1954 года доставлен больной в шоковом состоянии, с тяжелой травмой обеих ног. Документов при нем не было. Но он сам, придя в сознание, сообщил, что имя его Грачев Василий Сергеевич“.

И ниже значилась подпись: „Дежурный врач О. Никодимова“.

Тут многое настораживало – сама эта дата и характер травмы...

Я увиделся с Никодимовой. Она оказалась грузной, уже не молодой, с тугим узлом серебряных волос и большими, не по-женски крепкими руками. В этом я убедился, когда мы обменялись рукопожатием. Затем она сказала:

– Грачева я помню. Еще бы! Мне ведь почти сразу пришлось его оперировать. Очень трудный был случай. Сами понимаете – ампутация...

– Вы ампутировали ему обе ноги?

Нет, одну... Другую – правую – уложили в лубки. А с левой ногой уже ничего нельзя было сделать. Представляете: переломы в пяти, местах! Голень словно в мясорубке побывала. И кроме того, повреждено бедро...

– Как он объяснил потом все случившееся?

– Сказал, что шел по тайге пьяный, споткнулся, упал и угодил под какую-то встречную машину... Что ж, – она вздохнула коротко, – с вашим братом это бывает!.. Зальете водкой глаза и шляетесь, где не надо, гибнете попусту.

– Да, конечно, – согласился я, – дело известное. А скажите-ка, вы не заметили в его поведении ничего такого... – я пошевелил пальцами, – ну, странного, что ли?

– Вроде бы нет. Хотя... – Она опустила брови, задумалась на мгновение. – Кое-что было, верно, я вот сейчас припоминаю... Знаете, мне кажется, он все время чего-то боялся.

– Как же эта боязнь проявлялась? В чем?

– Н-ну, в мелочах... По-разному... Мы положили его внизу, у окошка, – он попросил перенести его на второй этаж. И когда дверь в палату открывалась, он все время вздрагивал. Вообще не любил посетителей! И в приемные часы, когда к больным приходят родственники, лежал не двигаясь, укрывшись с головой.

– Так, – сказал я, – понятно.

Мне и в самом деле стало понятно многое; я твердо знал сейчас, что иду по верному следу! И я спросил с трудно сдерживаемым волнением:

– А теперь как мне его повидать?

– Я сожалею, – сказала она медленно. – Но повидать не удастся...

– Почему? Где же он?

– На кладбище. Там, где мы все будем.

– Сколько ж он у вас пролежал?

– Месяца полтора всего. А потом... – она вздохнула. – Уж как я старалась, как старалась!

Мы тут все за ним, как за малым дитем, ходили...

– Отчего же он умер?

– От паралича сердца. Он вообще был очень слаб, от шока так и не оправился, жил на вливаниях... Ну, и вот.

Мы еще поговорили с ней недолго, и я простился и пошагал к дверям. И уже на пороге остановился вдруг, и потом:

– Да, простите, – сказал я, – последний вопрос. А кто Грачева привез сюда, вы не помните?

– Какой-то шофер, – ответила она, поджимая губы, – я его не знаю. И он о себе ничего не говорил. Сказал только, что ехал с кирпичного завода и случайно заметил на дороге лежащего... Ну, и пожалел, подобрал.

– С кирпичного? – переспросил я. – Это точно? Он так и сказал? Вы не путаете?

– О, господи, – усмехнулась она, – что, корреспонденты все такие назойливые? Я никогда ничего не путаю, молодой человек. Никогда. Ничего.

ИДУ ПО СЛЕДУ (продолжение)

И вот я снова в кабинете у Хижняка.

– Вам знакомо такое имя: Грачев Василий Сергеевич?

– Васька Грач! Ну, как же, как же. Помните, мы говорили об очурской банде? Так вот, он был там. И ушел с ней...

– Ни с кем он не ушел, – сказал я. – Он ушел один... И знаете, куда? Сыграл на два метра под землю.

– Откуда у вас эти сведения?

– Я недавно был в той больнице, где он лежал раненый и где потом умер.

– Это что за больница? Где находится?

Я объяснил. Он выслушал меня внимательно. И затем спросил:

– А как вы, собственно, там оказались? В связи с чем?

– Да случайно. Ехал по делам и завернул ненадолго... Мне ведь все интересно, я же газетчик.

И перегнувшись через стол, я добавил медленно:

– И могу также объяснить вам, отчего умер Васька Грач... Он умер от страха.

– Ну, это уж ваши домыслы...

– Ничего подобного. Хирург той больницы, Ольга Никодимова, так и сказала: „Он, – то есть Грач, – все время чего-то боялся...“ И мне думается: он боялся своих!

– Ага, ага, – забормотал Хижняк, – да, да, да... – Он сидел теперь сгорбившись, постукивая ногтями о край стола, думал о своем. – Да, пожалуй... Я и раньше еще замечал, догадывался, что у них там что-то происходит, кипит что-то.

И он досадливым жестом ударил по столу кулаком.

– Эх, черт, жалко, я не повидал Грача! Не знал... Не успел... Да ведь, с другой стороны, где ж тут все успеть? Наш район по территории равен Швейцарии, а у меня в оперативном отделе всего пять человек.

– Как же вы управляетесь со здешними бандитами?

– Ну, в самых крайних случаях нам помогают, поддерживают... Вот в последней операции, например, участвовали люди из соседнего района.

– Когда эта операция, кстати, происходила?

– Как это ни смешно – первого апреля пятьдесят четвертого года, – сказал Хижняк, – первого апреля! Но дело было нешуточное. Мы потеряли одного, а бандиты – двоих. И кроме того, еще двоих подраненных нам удалось задержать. Но, к сожалению, часть банды все-таки скрылась. И с ней ушел сам главарь, Каин.

– Каин? – засмеялся я. – Ничего себе имечко. Своеобразное!

– Да и тип этот тоже своеобразный... Наркоман, садист, прирожденный убийца, а? Каков букет?

– Вы этот „букет“ видели? Держали в руках?

– Я лично нет. Но досье на него заведено богатое. У него есть и другое прозвище – Черная Кошка, которое он уже сам придумал для устрашения. Чтоб пугать народ.

– У вас, я вижу, дело крепко поставлено, – похвалил я его, – агентура имеется неплохая.

– Стараемся, – проговорил он, поигрывая бровью, – стараемся...

– Сколько же человек на вас работает?

– А какое это имеет значение? – усмехнулся Хижняк. – Я говорю абстрактно, обобщенно... Так вот, если обобщать, то в этой среде при желании всегда можно найти пособников. Там же все время идет междоусобная борьба. Свирепая борьба! За авторитет, за власть, за

территорию... Одну группу вытесняет другая. Один авторитет соперничает с другим. И порою случается так, что кое-кто из жиганов начинает устранять соперников с нашей помощью, понимаете? Выдает их и таким образом расчищает себе дорогу...

– Кто же это, к примеру?

– А вот таких вопросов задавать не полагается, – жестко, холодно сказал Хижняк. – Усвойте себе это правило! – И он поднял палец и покачал им строго. – Хорошенько усвойте! Я вам как журналисту объяснил общую ситуацию... И все. И достаточно. И не требуйте большего.

– Прощу прощения, – сейчас же сказал я. – Вопрос был, действительно, неуместный, я сам сознаю. Но я почему?.. Просто любопытно, что за нравы у здешних блатных, что это вообще за публика?

– А здесь, к вашему сведению, вовсе и нет настоящих блатных, – небрежно бросил Хижняк. – Таких блатных, которые, скажем, обитают в Одессе, в этом русском Марселе... Отнюдь!

Он раскинулся в кресле, закурил и ловко вытолкнул губами колечко дыма. Вид у него был усталый и снисходительный; ему, очевидно, нравилось меня поучать.

– Я когда-то работал в одесском розыске. Там были артисты, виртуозы! А тут – что? Простые лесные налетчики, таежный примитив. Единственное, что они тут умеют, – убивать...

– Однако же этот ваш „абстрактный“ тип, – сказал я, – судя по всему, личность далеко не примитивная. Наоборот... Редкостный ловкач. Эдакий уголовный Азеф! Вы не находите?

– Пожалуй, – кивнул Хижняк. – Что-то общее есть... Но если Азефу удалось перехитрить всех – уйти и от подпольщиков, и от властей, то этот от нас, конечно, не уйдет. Со временем мы его обезвредим. Но только не теперь! Пока что он полезен именно тем, что он – там. В самых недрах. Понимаете? Ну и хватит об этом!

* * *

Когда я вернулся домой, был час снегопада. Село словно бы окутывал сырой серый дым. Мохнатые, липкие снежные хлопья отягчены были влагой, и ветер уже крепко пахнул весной.

На хозяйской половине топилась печь – гудела и попыхивала вкусным дымком. Я разулся, пристроил возле печки отсыревшие валенки. Затем повернулся к Алексею.

Он, как обычно, стоял у окна... В избе, кроме нас, никого не было – Макаровна ушла куда-то. Момент был самый подходящий. И я сказал:

– Эй, Алексей! Тебе привет.

– От кого?

– От Васьки Грача.

– Что-о? – он заметно вздрогнул. – От Грача? – И тут же проговорил, бледнея: – Не знаю такого...

Эта моя реплика должна была ошеломить его, сбить с толку. Так и случилось.

Я переспросил, прищурясь:

– Не знаешь? Странно.

– А что такое? В чем дело? – зачастил, заторопился он. – Какой еще привет? Ведь он же умер...

– Вот ты и попался, – сказал я тотчас же, – Грач действительно умер. Как же ты об этом узнал?

У меня всегда была неплохая реакция, она не раз меня выручала. И выручила теперь. Алексей качнулся ко мне – неуловимо быстро взмахнул рукою... И тотчас же я присел, увидев сверкнувшее в воздухе жало ножа.

Нож, крутясь, пролетел надо мной – свистнул коротко. И впился, дрожа, в бревенчатую стену. Он низко пролетел – почти царапнул мне череп. Я ощутил дыхание опасности. Не

нагнись я, он, пожалуй, вошел бы мне прямо в горло! И волосы мои зашевелились и вздыбились.

И выхватив из кармана свой собственный складной охотничий нож (с которым я не расставался никогда!), я проговорил возмущенно:

– Ты что, говнюк, сдурел? Стой смирно, не двигайся! Это куда же годится, черт возьми?!

Я говорил и поигрывал раскрытым ножиком – подбрасывал его и ловил за рукоятку... А Алексей по-прежнему стоял чуть пригнувшись и напряженно следил за мной.

– Я привез хорошие вести, хотел тебя, дурака, обрадовать, а ты вон как меня принимаешь!..

– Какие вести? – спросил он. – О чем?

– Говорю тебе – хорошие!

Тогда он медленно, несмело распрямился. И подошел ко мне, просительно протягивая руки:

– Что? Что ты узнал?

– Узнал много чего, – ответил я. – Но сначала давай условимся. Во-первых, без истерики! Без подлостей! А то ведь я тоже не с пустыми руками...

– Ладно... Ты извини.

– И во-вторых, – я сложил ножик и спрятал его в карман, – я хочу, чтобы ты мне объяснил кое-что. Вот скажи-ка, зачем ты врал, когда рассказывал о том ночном происшествии, а? Ты говорил, что встретил каких-то незнакомых людей. Но ты же знал их всех! И Грача – тоже... Ведь правда?

Алексей кивнул. Брови его заломились, ко лбу прилипла мокрая прядь. Глаза, как у больной птицы, были затянуты мутной пленкой.

– Я не то чтобы врал... – запинаясь, сказал он, – я просто не мог иначе. Не мог вспоминать подробности, понимаешь? Да и кроме того, я же не знал тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.